

Цифровое управление в сфере обеспечения безопасности: восприятие молодыми гражданами новых стратегий полицейской деятельности в России

А.Л. Гуринская

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

a.gurinskaya@spbu.ru

Аннотация

Цифровизация управления приводит к изменениям в сфере управления безопасностью и уголовной политике, направленным в конечном итоге на усиление защиты жизни, здоровья, имущества граждан и их повышение их ощущения защищенности. Некоторые из этих трансформаций уже происходят: сокращение численности полиции, сопроизводство в области обеспечения безопасности, расширение применения цифровых технологий в сфере контроля над преступностью. Однако нам не так много известно об отношении граждан к цифровизации и к тем переменам, которые она с собой несет. Исследования показывают, что установки граждан по поводу проблем преступности и уголовной политики предопределяются такими факторами, как пол, идеологические представления, страх перед преступностью и ощущение безопасности. В настоящей работе мы проверяем эти предположения, используя данные опроса молодых граждан из трех городов России (объем выборки – 944 человека). Эффект идеологических установок на отношение к сокращению числа полицейских является смешанным. Девушки, а также молодежь, разделяющая левые убеждения, более склонны поддерживать идею о сопроизводстве безопасности. Ощущение защищенности, опыт виктимизации и левые политические взгляды также предсказывают более высокий уровень доверия к использованию технологий в полицейской деятельности.

Ключевые слова: цифровое управление, безопасность, уголовная политика, установки граждан, цифровая правоохранительная деятельность

Библиографическая ссылка: Гуринская А.Л. Цифровое управление в сфере обеспечения безопасности: восприятие молодыми гражданами новых стратегий полицейской деятельности в России // Государство и граждане в электронной среде. Выпуск 3 (Труды XXII Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2019, Санкт-Петербург, 19 – 22 июня 2019 г. Сборник научных трудов). — СПб: Университет ИТМО, 2019. С. 116 – 131. DOI: 10.17586/2541-979X-2019-3-116-131

1. Введение

Конкурентоспособность страны, повышение качества жизни граждан, экономический рост, как отмечается в Программе «Цифровая экономика Российской Федерации», в значительной степени зависит от уровня цифровизации экономики [1]. Целями развития цифровой экономики являются, среди прочих, улучшение доступности и качества государственных

услуг для граждан, а также безопасности как внутри страны, так и за ее пределами. Цифровизация охватывает все сферы государственной политики и управления, в том числе и уголовную политику. Основными сквозными технологиями, которые используются во всех областях, входящих в рамки Программы развития цифровой экономики являются большие данные, нейротехнологии и искусственный интеллект, новые производственные технологии, компоненты робототехники и сенсорики, технологии беспроводной связи, виртуальной и дополненной реальностей.

Внедрение новых цифровых технологий и алгоритмов в сфере уголовной политики призвано сделать жизнь граждан безопаснее, в том числе с помощью систем, осуществляющих оповещение о рисках жизнедеятельности, контролирующих общественный порядок с помощью систем видеомониторинга, видеоаналитики, фотофиксации нарушений, обеспечивающих контроль доступа в общественные пространства, в том числе с помощью технологии распознавания лиц. Речь не идет о том, что в России электронные технологии в ближайшее время должны полностью вытеснить традиционные формы обеспечения безопасности. Вместе с тем, по опыту других стран мы видим, что практика предупреждения преступности все больше опирается на работу географических информационных систем, создающих карты «горячих точек преступности» и прогнозирующих время и место совершения новых преступлений [2]. Правоохранительные органы используют в повседневной деятельности беспилотные летательные объекты [3], роботов, позволяющих обезвреживать взрывные устройства и преследовать подозреваемых, камеры видеонаблюдения, информацию из разнообразных баз данных.

Одной из тенденций, которая, если и напрямую не вытекает из процессов развития цифровой экономики в сфере государственного управления и обеспечения безопасности, однако явно сопутствует им, является сокращение численности сотрудников правоохранительных органов. За последние десять лет число полицейских в России уменьшилось наполовину [4], с 1 января 2018 г. предельная численность штата МВД РФ составляет не более 894 871 человека, из них 746 859 сотрудников органов внутренних дел [5]. За этот же период времени число лицензированных частных охранников практически сравнялось с числом полицейских [6, с. 6]. Число аттестованных сотрудников составляет порядка 668 000, и еще столько же оказывает эти услуги без лицензии (консьержи, сторожа и т.д.) [7]. В 2018 г. на учете в подразделениях лицензионно-разрешительной работы территориальных органов Росгвардии числилось 20,8 тыс. частных охранных организаций [8]. Всего в сфере охраны граждан и их собственности, согласно данным Федеральной службы государственной статистики по состоянию на 17 апреля 2018 г., занято 2374000 человек [9]. Пока сложно сказать, способны ли беспилотные летательные объекты (дроны), роботы, камеры и алгоритмы в ближайшее время повлиять на рынок труда и лишить полицейских и частных охранников их рабочих мест. Этот вопрос заслуживает отдельного исследования и не входит в рамки настоящей работы. Кроме того, существенным является и вопрос о том, насколько технологии способны повысить эффективность деятельности в сфере обеспечения безопасности. Не приведет ли сокращение числа полицейских в результате активного внедрения технологий не к повышению, а к снижению уровня защищенности граждан?

За последние десять лет показатели уголовной статистики демонстрируют снижение как объема, так и уровня преступности. Очевидно, что Россия следует глобальной тенденции «падения преступности» (crime drop). Заметим, что за рубежом криминологи связывают эту общемировую тенденцию в том числе и с распространением стратегии ситуационного предупреждения преступлений, которая в значительной степени полагается на использование новых, в том числе цифровых, технологий при создании безопасных пространств [10]. Ситуационное цифровое предупреждение преступности предполагает и активное вовлечение

граждан и предпринимателей в процесс обеспечения безопасности. Растет число охраняемых (с помощью камер и иных технических устройств) жилых комплексов, торгово-развлекательных центров. Безопасность в этих частно-общественных пространствах обеспечивает не государство, а собственники. Дж. Прэтт назвал современное государство государством «ограниченной ответственности», поскольку оно берет на себя обязанность по обеспечению безопасности лишь в тех сферах, где граждане с этим не справляются [11]. Еще более 20 лет назад эта тенденция была названа Д. Гарландом стратегией респонсификации граждан [12]. Не только в области уголовной политики, но и в других сферах сотрудничество становится принципом государственного управления, позволяющим включить в его процесс частных субъектов – на единой платформе с разделенными рисками и ответственностью [13, с. 16].

2. Трансформация уголовной политики в процессе цифровизации: факторы поддержки населением

Итак, важным процессом, происходящими в сфере уголовной политики в России, является цифровизация (использование новых технологий в правоохранительной деятельности), сопровождаемая оптимизацией числа сотрудников полиции и производством безопасности, в том числе ростом частной охраны и все большим вовлечением граждан в процесс защиты своей жизни и имущества. Возникает вопрос, как граждане оценивают те процессы, которые происходят в связи с такими изменениями в области уголовной политики. По данным ВЦИОМ, полиции доверяют 57 процентов граждан [14]. ВНИИ МВД также выявил, что 42,2 процента граждан чувствуют себя защищенными от посягательств на их жизнь, здоровье и имущество. 38,2 процента оценивают работу полиции по их защите как эффективную, чуть выше оценка эффективности полиции на объектах железнодорожного, водного и воздушного транспорта – 41,9 процентов [15]. Вместе с тем, эти замеры носят общий характер и не оценивают отношение граждан к тем аспектам деятельности полиции, которые мы обозначили выше. В связи с этим наше исследование ставит перед собой задачи определить, как граждане воспринимают новые тенденции уголовной политики, а именно сокращение числа полицейских, расширение применения технических средств, перераспределение обязанности по обеспечению собственной безопасности на частных лиц. Кроме того, мы ставим перед собой задачу определить, связано ли одобрение этих тенденций с идеологическими установками, восприятием проблемы преступности, опытом виктимизации и социально-демографическими характеристиками граждан.

В отечественной криминологии и социальной психологии исследования установок граждан в отношении вопросов, связанных с преступностью и обеспечением безопасности, уделяется не так много внимания. В других странах ученые смогли определить, какие факторы как правило детерминируют подобные установки. Например, существует целый пласт исследований, в которых показано значение идеологических представлений. Например, в работах Т. Байнема и его коллег [16], а также Э. МакГаррелла и Т. Флэнагена [17] еще в середине 1980-х гг. было установлено, что законодатели парламентов штатов склонны отдавать предпочтение одному из трех типов контроля над преступностью (либеральному, консервативному или же радикальному). Эти предпочтения определяются партийной принадлежностью законодателей. Так, члены демократической партии менее репрессивны и склонны придерживаться либеральных или радикальных взглядов на природу преступности, полагая, что она является продуктом социального неравенства и иных общественных проблем. Республиканцы поддерживают идеи о необходимости суровых наказаний и убеждены в том, что преступление – результат собственного выбора индивида. С тех пор ученые неоднократно

возвращались к вопросу о значении идеологии применительно к вопросу о поддержке смертной казни и длительных сроков тюремного заключения: в ряде работ выявлено, что консерваторы чаще склонны разделять карательные взгляды [18, 19]. Применительно к установам молодежи в работе Х. Таджали, У. де Сото и А. Дозиера, демонстрируется, что идеологические представления студентов влияют на уровень поддержки (одобрения) репрессивности [20].

Безусловно, приверженность той или иной части ценностей политического спектра является не единственным фактором, который может предопределять мнение людей об уголовной политике. Обеспокоенность криминальной обстановкой, личный опыт столкновения с преступностью тоже могут влиять на одобрение или неодобрение каких-либо действий государства по борьбе с преступностью, на оценки деятельности правоохранительных органов. Например, страх перед преступностью заставляет афроамериканцев, особенно потерпевших, требовать более суровых наказаний, в то время как белые американцы демонстрируют схожие установки в том случае, если оценивают общую ситуацию в области обеспечения общественного порядка как неблагоприятную [21, р. 25]. Наконец, исследования показывают, что существуют социально-демографические различия во взглядах относительно проблем преступления и наказания. Так, женщины, в сравнении с мужчинами, не склонны поддерживать смертную казнь, и в целом более оптимистично настроены относительно исправительного потенциала пенитенциарных учреждений [22].

В России отношение граждан к проблемам общественной безопасности и их субъективное чувство защищенности от угроз криминального характера было предметом исследования в работе А.А. Глухой, А.А. Иудина и Д.А. Шпилева [23]. Проведя опрос граждан Нижнего Новгорода исследователи выявили, что граждане скорее убеждены в том, что полиция играет важную роль в обеспечении общественного порядка (среднее значение по шкале от -1 до +1 составило 0,42), и к ее помощи следует обратиться в случае необходимости (среднее значение – 0,5). При этом степень уверенности в том, что полиция способна оказать помощь в случае необходимости, у граждан не так высока (показатели по двум вопросам были близки к 0 по этой же шкале распределения) [23, с. 583]. В контексте настоящей работы интересными являются выводы о том, что для жителей Нижнего Новгорода относительно важными факторами, обеспечивающими ощущение защищенности, были возможность вызвать полицию, используя кнопку экстренного вызова (для 27 процентов), а также постоянное видеонаблюдение (для 32 процентов). Однако такие традиционные способы превенции, как повышение освещенности дворов, улиц и подъездов и физическое присутствие полиции оценивались гражданами выше – соответственно 49 и 48 процентов респондентов согласились с тем, что эти меры дают чувство защищенности. Кроме того, интересным является и вывод о том, что граждане (42 процента) высоко оценивают потенциал разнообразных средств для самообороны (газовый баллончик, травматическое оружие, бейсбольная бита), а вот уверенность в эффективности установки сигнализации для охраны имущества высказали лишь 22 процента опрошенных [23, с. 579].

Задачей настоящей работы было не только измерить настроения граждан по поводу цифровой трансформации уголовной политики, но и объяснить ту вариацию, которая существует в ответах. Нами были выдвинуты следующие гипотезы: 1) обеспокоенность проблемой преступности и состоянием защищенности, опыт виктимизации (столкновения с преступным посягательством в качестве потерпевшего), а также либеральные политические взгляды ведут к меньшей поддержке таких мер, как сокращение числа полицейских; 2) мужчины и консервативно настроенные граждане в большей степени полагаются на собственные силы при обеспечении безопасности, чем либерально настроенные; 3) те

граждане, которые высказывают большую обеспокоенность проблемами безопасности, будут больше полагаться на технические средства, чем на человеческие ресурсы.

3. Эмпирический анализ восприятия гражданами трансформаций в сфере уголовной политики

3.1. Метод и характеристики выборки

Для реализации задач нашего исследования была разработана анкета, которая была апробирована с участием 37 респондентов в ноябре 2016 г., после чего ряд вопросов анкеты был изменен и уточнен. В весеннем семестре 2017 г. мы провели анкетный опрос студентов высших учебных заведений в двух городах Российской Федерации – Санкт-Петербурге (студенты СПбГУ, РГПУ им. А.И. Герцена и ряда других вузов) и Владивостоке (студенты Дальневосточного федерального университета), в осеннем семестре 2017 г. были опрошены студенты, обучающиеся в Южном федеральном университете в г. Ростов-на-Дону. До проведения опроса были достигнуты договоренности с преподавателями, которые согласились провести анкетирование в перерыве после своего занятия. Также студенты опрашивались в рекреациях и столовых учебных заведений.

Поскольку респондентами в нашем исследовании были только молодые граждане, получающие высшее образование, следует сделать оговорку о том, что полученные результаты нельзя распространить на взрослое население Российской Федерации, а также на молодежь, которая не обучается в высших учебных заведениях. Вместе с тем, опрос представителей студенчества является распространенным способом сбора данных об установках граждан [24, 25, 26 и др.].

Данные о респондентах представлены в Таблице 1. Всего было опрошено 944 человека, из них 255 в Санкт-Петербурге, 436 во Владивостоке, 253 в Ростове-на-Дону. В Санкт-Петербурге и Ростове-на-Дону чуть более половины респондентов были женщины, во Владивостоке число респондентов мужского и женского пола было приблизительно равным. Все респонденты являлись на момент опроса студентами, поэтому их возраст составлял около 18-20 лет, около четверти респондентов были несколько старше. Примерно половина респондентов во всех городах указали, что доход их семьи является средним. В Санкт-Петербурге и Ростове-на-Дону около четверти респондентов указали, что они сами или члены их семьи имеют опыт виктимизации. Во Владивостоке это число было ниже – лишь 16,3 процента указали, что у них имеется этот опыт.

Таблица 1. Социально-демографические характеристики респондентов (N=944)

Переменная	Значение	СПб	Влад.	Р-н-Д.
		N=255 Число (%)	N=436 Число (%)	N=253 Число (%)
Пол	Мужской	108 (42.4)*	208 (47.7)	108 (42.7)
	Женский	141 (55.3)	206 (47.2)	142 (56.1)
Доход	Ниже среднего	58 (22.7)	85 (19.5)	50 (19.8)
	Средний	108 (42.4)	212 (48.6)	109 (43.1)
	Выше среднего	79 (31)	118 (27.1)	86 (34.0)
Виктимизация (имуц. прест.)	Нет	196 (76.9)	359 (82.3)	182 (71.9)
	Да	57 (22.4)	71 (16.3)	69 (27.3)

*Сумма процентов распределений не равна 100 в связи с наличием в анкетах пропущенных ответов

В ходе анкетирования студентам было предложено по шкале Лайкерта (от 1 до 7) оценить ряд суждений, где «1» соответствовало «совершенно не согласен», а «7» - «полностью согласен». Полученные в результате анкетирования данные были обработаны с использованием программы IBM SPSS Statistics. Для ответа на вопрос о том, какие факторы влияют на взгляды граждан относительно отдельных аспектов уголовной политики был проведен линейный регрессионный анализ по методу наименьших квадратов. Для создания шкалы «Политическая идеология» был также проведен факторный анализ.

3.2. Зависимые и независимые переменные

Отношение к сокращению числа полицейских, стратегии государства «ограниченной ответственности» и уверенность в более высоком потенциале технических средств измерялись с помощью трех вопросов. Студентам было предложено оценить степень своего согласия со следующими утверждениями: 1) Сокращение штата полиции приводит к росту преступности; 2) Безопасность – общее дело, поэтому граждане должны быть более ответственны в вопросах защиты своей жизни и собственности; 3) Технические устройства (замки, сигнализации и камеры) лучше справляются с обеспечением безопасности, чем полиция. Данные о распределении ответов на эти вопросы представлены в таблице 2. Мы видим, что граждане во всех трех городах скорее не склонны одобрять сокращение численности полицейских, поскольку это может привести к снижению уровня защищенности. При этом они полагают, что технические устройства более эффективно обеспечивают безопасность, чем полиция. Хотя средние значения ответов на оба эти вопроса (около 4) свидетельствуют о том, что граждане скорее не уверены в своем мнении. Что касается вопроса о необходимости для граждан брать ответственность за защиту жизни и собственности в свои руки, то здесь респонденты согласны с тем, что обеспечение безопасности является не только задачей государства, но общим делом.

Таблица 2. Отношение к трансформациям в области уголовной политики: средние значения ответов (N=944)

Переменная ¹	Город	Среднее значение	Станд. откл.	Знач. F
Сокращение штата полиции приводит к росту преступности (N=904)	СПб (N=245)	4,04	1,757	2,13
	Влад. (N=409)	4,34	1,861	
	Р-н-Д. (N=250)	4,18	1,94	
Безопасность – общее дело, поэтому граждане должны быть более ответственны в вопросах защиты своей жизни и собственности (N=914)	СПб (N=250)	5,26	1,658	2,42 [†]
	Влад. (N=412)	5,35	1,506	
	Р-н-Д. (N=252)	5,56	1,55	
Технические устройства (замки, сигнализации и камеры) лучше справляются с обеспечением безопасности, чем полиция (N=917)	СПб (N=247)	4,45	1,545	0,606
	Влад. (N=420)	4,31	1,633	
	Р-н-Д. (N=250)	4,39	1,80	

[†]p<.10

¹ Ответы по шкале Лайкерта от 1 до 7, где от 1 (совершенно не согласен) до 7 (полностью согласен)

Для того, чтобы оценить отношение граждан к проблемам преступности и степень их беспокойства ее состоянием в их городе, мы попросили респондентов ответить на 3 вопроса: «увеличилось ли число преступлений в России за год», «безопасно ли находиться на улице в вашем городе ночью» и «насколько серьезна проблема преступности в вашем городе».

По первому вопросу варианты ответов варьировались от 1 до 3, по второму и третьему – от 1 до 4. В целом, можно сказать, что студенты полагают, что в России наблюдается тенденция роста преступности (что не соответствует статистическим данным); они не чувствуют себя ночью на улицах в полной безопасности и полагают, что преступность скорее является серьезной проблемой в том городе, где они живут.

Мы использовали два способа оценки идеологических установок респондентов. Во-первых, это собственная оценка респондента. Мы попросили студентов указать, к какой стороне политического спектра – к левой или правой – они сами себя относят. Такой метод используется, в частности, при проведении European Social Survey. В целом, студенты достаточно нейтральны, но несколько в большей степени разделяют правые взгляды – среднее значение составило 5,53 по шкале от 1 до 10. Во-вторых, мы использовали один из вопросов Европейского опроса о ценностях (European Values Study), входящий в состав шкалы, измеряющей политическую ориентацию респондентов, и дополнили шкалу еще двумя вопросами. Мы предложили респондентам ряд противоположных утверждений и попросили их отметить на цифровой шкале от 1 до 9, с каким утверждением они более склонны согласиться.

Таблица 3. Представления респондентов о преступности и политическая ориентация: средние значения (N=944)

Переменная	Значение	Город	Среднее значение	Станд. откл.	Знач. F
Увеличилось ли число преступлений в России за год (N=923)	1=снизилось	СПб (N=248)	2,05	0,78	5,44**
	2=не изменилось	Влад. (N=424)	2,23	0,73	
	3=увеличилось	Р-н-Д. (N=251)	2,09	0,77	
Безопасно ли находиться на улице вашего города ночью (N=938)	от 1 (полностью безопасно)	СПб (N=253)	2,49	0,621	1,62
	до 4 (очень опасно)	Влад. (N=433)	2,42	0,676	
		Р-н-Д. (N=252)	2,5	0,66	
Насколько серьезна проблема преступности в вашем городе (N=916)	от 1 (не представляет проблему)	СПб (N=252)	2,56	0,674	9,95***
	до 4 (является очень серьезной проблемой)	Влад. (N=418)	2,35	0,628	
		Р-н-Д. (N=246)	2,51	0,66	
Политическая идеология (самоотчет)	от 1(левая) до 10 (правая)	Все (675)	5,53	2,05	
Политическая идеология (шкала из 3 вопросов; α Кронбаха = 0,71)	от 3 (правая) до 27 (левая)	Все (916)	17	5,57	

Примечание: ** $p < .01$, *** $p < .001$

С левой стороны были размещены утверждения о том, что граждане должны самостоятельно заботиться о своем заработке, пенсионном обеспечении и жилье, а справа – о том, что забота об этих вопросах является обязанностью государства. Соответственно, баллы

от 1 до 4 указывают на то, что респондент скорее придерживается правых убеждений, а от 6 до 9, что левых. Среднее значение по этому вопросу составило 5,53, что говорит о том, что в среднем студенты придерживаются нейтральных убеждений, лишь в незначительной степени склоняясь к правому лагерю. Среднее значение по объединенной шкале, в состав которой входит 3 вопроса, составило 17, что говорит о том, что в среднем студенты все же в большей степени хотят рассчитывать на помощь государства в решении социальных проблем. С помощью процедуры факторного анализа мы убедились в том, что эти переменные коррелируют друг с другом и их можно объединить в одну шкалу «Политическая идеология». Для анализа надежности мы использовали метод Альфа Кронбаха. Показатель теста составил 0,71, что является удовлетворительным для конфирматорного анализа. В таблице 3 представлены данные о том, как распределились ответы респондентов.

3.3. Результаты

Для оценки наличия зависимости между переменными использовался регрессионный анализ по методу наименьших квадратов. Результаты анализа представлены в таблицах 4-6. Отношение к сокращению числа полицейских статистически значимым образом связано с мнением респондентов о росте преступности и их идеологической принадлежностью. Те респонденты, которые полагают, что преступность растет, не считают, что ее рост зависит от числа сотрудников правоохранительных органов и более склонны поддерживать стратегию, направленную на сокращение полицейских ($b = -0,2$; $p < .05$). Что касается идеологических убеждений, то здесь ситуация неоднозначна. С одной стороны, те, кто сам относит себя к представителям правой политической ориентации, негативно относятся к сокращению полиции ($b = 0,12$; $p < .001$). С другой стороны, если использовать ответы на вопросы, входящие в шкалу идеологических предпочтений, то мы видим, что, напротив, более левые взгляды будут связаны с более негативным отношением к сокращению числа полицейских ($b = 0,03$; $p < .01$). Следует отметить, что объяснительная сила этой модели не велика – используемые независимые переменные объясняют лишь 3 процента вариации зависимой переменной.

Таблица 4. Бета коэффициенты и нормированный R-квадрат для регрессионного анализа, предсказывающего отношение граждан к сокращению числа полицейских

Зависимая переменная	Сокращение полиции ухудшает криминальную ситуацию			
	B	Std. Err	β	t
Независимые переменные				
Пол (женский = 1, мужской = 0)	-0,16	0,15	-0,04	-1,10
Доход	0,07	0,10	0,03	0,71
Рост преступности	-0,20	0,09	-0,08	-2,14*
Безопасность на улицах	0,03	0,12	0,01	0,28
Обеспокоенность преступностью	-0,17	0,12	-0,06	-1,45
Виктимизация (имущ. прест.; да = 1)	-0,16	0,17	-0,04	-0,93
Идеология (от консервативной к либеральной)	0,03	0,01	0,10	2,58**
Идеология (самоотчет)	0,12	0,03	0,13	3,52***
Нормированный R ²		.03		F=3.28***

Примечание: * $p < .05$; ** $p < .01$, *** $p < .001$

Модель, которую мы использовали для объяснения вариации в переменной «поддержка государства сопроизводства безопасности» также объясняет лишь 3 процента этой вариации (нормированный R квадрат равен 0,03). При этом неожиданным образом женщины склонны в

большей степени поддерживать эту стратегию, чем мужчины ($b=0,42$; $p<.001$). Отношение к проблемам преступности, опыт виктимизации статистически значимым образом не связаны с убеждениями о необходимости совместного обеспечения безопасности. Значимым параметром является идеология – идея сопроизводства безопасности несколько более импонирует левым, чем правым ($b=0,02$; $p<.05$).

Таблица 5. Бета коэффициенты и нормированный R-квадрат для регрессионного анализа, предсказывающего отношение граждан к стратегии сопроизводства безопасности

Зависимая переменная	Ответственность граждан			
	B	Std. Err	β	t
Независимые переменные				
Пол (женский = 1, мужской = 0)	0,42	0,12	0,14	3,48***
Доход	0,00	0,08	0,00	-0,02
Рост преступности	0,03	0,08	0,02	0,41
Безопасность на улицах	0,10	0,10	0,04	1,02
Обеспокоенность преступностью	-0,08	0,10	-0,04	-0,83
Виктимизация (имуш. прест.; да =1)	0,19	0,14	0,05	1,34
Идеология (от консервативной к либеральной)	0,02	0,01	0,08	2,07*
Идеология (самоотчет)	0,04	0,03	0,05	1,21
Нормированный R ²		.03		F=3.27***

Примечание: * $p<.05$, ** $p<.01$, *** $p<.001$

Что касается убеждений о том, что технические средства лучше справляются с задачей по обеспечению безопасности, то мы видим, что это мнение статистически значимо связано с уверенностью в том, что обстановка в городе является безопасной ($b=0,22$; $p<.05$). Также уверенность в технических средствах выше у жертв преступлений ($b=0,31$; $p<.05$) и у тех, кто согласно самоотчету относит себя к левым ($b=0,02$; $p<.05$). Данная модель также обладает невысоким объяснительным потенциалом – 2 процента вариации (нормированный R квадрат равен 0,02).

Таблица 6. Бета коэффициенты и нормированный R-квадрат для регрессионного анализа, предсказывающего предпочтение технологий обеспечения безопасности

Зависимая переменная	Технические устройства предпочтительнее полиции			
	B	Std. Err	β	t
Независимые переменные				
Пол (женский = 1, мужской = 0)	0,12	0,13	0,04	0,89
Доход	-0,03	0,09	-0,01	-0,35
Рост преступности	0,08	0,08	0,04	1,00
Безопасность на улицах	0,22	0,11	0,09	2,05*
Обеспокоенность преступностью	0,06	0,11	0,02	0,52
Виктимизация (имуш. прест.; да =1)	0,31	0,16	0,08	2,02*
Идеология (от консервативной к либеральной)	0,02	0,01	0,08	2,11*
Идеология (самоотчет)	0,01	0,03	0,01	0,18
Нормированный R ²		.02		F=2.8**

Примечание: * $p<.05$, ** $p<.01$

3.4. Обсуждение результатов

Мы ожидали, что граждане, разделяющие левые политические взгляды, будут не склонны поддерживать политику, направленную на сокращение государственного аппарата, и

скептически относиться к идее со-производства безопасности. Такие стратегии уголовной политики характерны для неолиберального государства, критика которого чаще раздается из левого лагеря. Мы получили смешанные результаты. С одной стороны, данные показывают, что идеологические взгляды, с одной стороны, и отношение к минимизации числа полицейских и к возложению бремени обеспечения безопасности в том числе и на плечи граждан, с другой стороны, связаны и эта связь является статистически значимой. Однако направление этой связи противоположно тому, которое мы ожидали увидеть. В моделях использовались две переменные, с помощью которых замерялись политические предпочтения. Если основываться на данных самоотчетов респондентов по поводу их идеологической приверженности, то можно прийти к выводу, что наша гипотеза не находит подтверждения: левые в меньшей степени, чем правые, озабочены сокращением числа полицейских. Но если использовать шкалу оценки политических предпочтений, то ситуация выглядит прямо противоположно. Представляется, что используемая шкала является более достоверным способом измерения идеологии, поскольку мы не можем быть уверены в том, что студенты в России хорошо осведомлены о разнице между представителями «левой» и «правой» идеологий, что приводит к некорректному выбору при самоотчете. Что касается поддержки идеи о со-производстве безопасности, то, вопреки нашим ожиданиям, эта идея более импонировала левым, чем правым. Таким образом, наша первая гипотеза не находит в полной мере своего подтверждения.

Вместе с тем, следует отметить, что взаимосвязь между идеологической и партийной принадлежностью и одобрением тех политических решений, которые эта партия пытается воплотить в жизнь не всегда линейна. Так, в исследовании Т. Карси и Д. Леймана было показано, что значимость определенного решения политической проблемы для гражданина может заставить его изменить партийную принадлежность. В том же случае, если конкретная проблема ему индифферентна, то он выберет то решение, которое поддерживает та партия, с которой он себя идентифицирует [27]. Кроме того, в сфере обеспечения безопасности и уголовной политики политический курс в меньшей степени зависит от партийной политики, чем в других сферах. Защита граждан от преступных посягательств является базовой функцией государства, и, в условиях высокого уровня террористической угрозы и новых вызовов безопасности, политики, независимо от своих идеологических предпочтений, будут предлагать схожие решения проблем преступности. Отсутствие общественных обсуждений по этому поводу может приводить к тому, что граждане будут выбирать те или иные решения вне зависимости от своих политических предпочтений. Также существуют исследования, которые доказывают, что граждане придерживаются прагматичных взглядов на вопросы, связанные с обеспечением безопасности, даже если это вступает в противоречие с их симпатиями той или иной партийной идеологии [28].

Мы полагали, что женщины, в сравнении с мужчинами, будут менее склонны поддерживать идею о том, что обеспечение безопасности следует возложить на их плечи. Наши данные подтверждают наличие статистически значимой разницы между взглядами мужчин и женщин. Однако, вопреки нашей гипотезе, не мужчины, а женщины в большей степени одобряют идеи о со-производстве безопасности. Возможно, это связано с тем, что, оценивая свои риски как более высокие, женщины склонны уделять больше внимания обеспечению собственной безопасности, использованию тех стратегий, которые позволяют снизить риски виктимизации. Поэтому идея о том, что безопасность является общим делом, представляется им более очевидной, чем мужчинам. Кроме того, мы видим, что, вопреки нашей гипотезе, граждане с левыми, а не правыми убеждениями склонны поддерживать сотрудничество в уголовной политике.

Мы не увидели практически никаких статистически значимых связей между тем, как люди воспринимают криминальные угрозы и их отношением к новым стратегиям уголовной политики. Люди, которые оценивают уровень преступности как более высокий, не высказывают большую обеспокоенность относительно уменьшения числа полицейских и не связывают рост преступности с изменением штатной численности сотрудников правоохранительных органов. Те, кто чувствуют себя на улице в безопасности, более склонны доверять эффективности технических устройств в сравнении с полицейскими. Отметим, что в некоторых исследованиях проблемы карательных настроений граждан также делается вывод о том, что обеспокоенность проблемой преступности и опыт виктимизации, не являются факторами, которые влияют на степень карательности [29]. Можно предположить, что мнение граждан о состоянии безопасности не обязательно влияет на их предпочтения того или иного уголовно-политического курса.

4. Заключение

Наше исследование показывает, что вопросы обеспечения безопасности не вызывают у молодежи большого интереса. Они нейтральны в своих оценках, не занимают четкой позиции по поводу вопросов о сокращении числа полицейских и вряд ли задумываются о том, имеют ли преимущества технические средства при предупреждении преступлений. При этом, они занимают чуть более выраженную позицию относительно того, что обеспечение безопасности является общим делом. Можно предположить, что молодежь, родившаяся уже в 21 веке, воспринимает приватизацию в области обеспечения безопасности как само собой разумеющееся явление, что и обуславливает относительно высокий уровень поддержки идеи о необходимости сопроизводства безопасности. Мы выявили ряд факторов, которые предсказывают одобрение гражданами новых тенденций в уголовной политике. Вместе с тем, за пределами нашего исследования остались другие, возможно, более значимые детерминанты взглядов молодежи.

Цифровизация и опора на сотрудничество в публичной политике представляются долгосрочными трендами. Пока еще сложно сказать однозначно, как опора на цифровую экономику повлияет на работу правоохранителей. Вместе с тем, уже сейчас необходимо изучать, какие формы сотрудничества, в том числе на основе использования цифровых технологий, в уголовной политике получили бы поддержку граждан. Этот вопрос тесно связан с проблемами политического участия, доверия государству и правоохранительным органам, эффективностью новой цифровой деятельности по противодействию преступности. Важно знать и отношение к использованию новых технологий обеспечения безопасности. Позиция граждан может быть обусловлена их отношением к развитию науки и техники в целом (степень технооптимизма), опасениями по поводу того, что технологии, особенно нацеленные на сбор информации и осуществление надзора, ставят под угрозу их право на защиту информации и приватность. Вместе с тем, озабоченность проблемами терроризма и криминальными рисками может перевесить иные опасения. Все эти вопросы заслуживают как дальнейшей теоретической разработки, так и эмпирической проверки.

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 18-011-00756 А «Гражданское участие в условиях формирования цифрового правительства».

Литература

- [1] Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 25.04.2019).
- [2] Гуринская А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: критический анализ: монография. СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. 400 с.
- [3] Heen M. S. J., Lieberman J. D., Miethe T. D. The thin blue line meets the big blue sky: Perceptions of police legitimacy and public attitudes towards aerial drones // *Criminal Justice Studies*. 2018. Vol. 31, №. 1. P. 18-37.
- [4] Количество полицейских в России с каждым годом сокращается. Или растёт? // Новые известия. 5 октября 2018. URL: <https://newizv.ru/news/society/05-10-2018/kolichestvo-politseyskih-v-rossii-s-kazhdym-godom-sokraschaetsya-ili-rastet> (дата обращения: 25.04.2019).
- [5] Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2017 № 652 «О внесении изменения в Указ Президента Российской Федерации от 5 мая 2014 г. № 300 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»
- [6] Nalla M. K., Gurinskaya A. Common past-different paths: Exploring state regulation of private security industry in Eastern Europe and post-Soviet republics // *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*. 2017. Т. 41, №. 4. С. 305-321.
- [7] Аронов Н. Частично вооруженная армия. // Коммерсантъ. Журнал «Огонек». №11. 26.03.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3566802> (дата обращения: 25.04.2019).
- [8] Информация о реализации в 2018 году функций Росгвардии по осуществлению федерального государственного контроля (надзора) в установленных сферах деятельности // Росгвардия. Статистика и аналитика. URL: <http://rosgvard.ru/ru/page/index/statistika-i-analitika> (дата обращения: 25.04.2019).
- [9] Занятое население по полу и группам занятий на основной работе // Федеральная служба государственной статистики. Трудовые ресурсы. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/tab_trud11-okz.htm (дата обращения: 25.04.2019).
- [10] Farrell G., Tilley N., Tseloni A., Mailley J. Explaining and sustaining the crime drop: Clarifying the role of opportunity-related theories // *Crime Prevention and Community Safety*. – 2010. Vol. 12, №. 1. P. 24-41.
- [11] Pratt J. Risk control, rights and legitimacy in the limited liability state // *British journal of criminology*. 2016. Vol. 57, №. 6. P. 1322-1339.
- [12] Garland D. The culture of control. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – 367 p.
- [13] Сотрудничество в публичной политике и управлении / Под ред. Л.В. Сморгунова. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2018. 274 с.
- [14] Работа полиции: оценки россиян. // ВЦИОМ. № 3810. 09.11.2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9418> (дата обращения: 25.04.2019).
- [15] Работа полиции и доверие // Министерство внутренних дел РФ. Общественное мнение. Декабрь 2018. URL: <https://мвд.рф/publicopinion> (дата обращения: 25.04.2019).
- [16] Vynum T.S., Greene J.R., Cullen F.T. Correlates of legislative crime control ideology // *Criminal Justice Policy Review*. 1986. Vol. 1, №. 3. С. 253-267.
- [17] McGarrell E. F., Flanagan T. J. Measuring and explaining legislator crime control ideology // *Journal of Research in Crime and Delinquency*. 1987. Vol. 24, №. 2. P. 102-118.
- [18] Unnever J. D., Cullen F. T., Fisher B. S. “A liberal is someone who has not been mugged”: Criminal victimization and political beliefs // *Justice Quarterly*. 2007. Vol. 24, №. 2. P. 309-334.

- [19] Silver J. R., Silver E. Why are conservatives more punitive than liberals? A moral foundations approach // *Law and Human Behavior*. 2017. Vol. 41, № 3. P. 258.
- [20] Tajalli H., De Soto W., Dozier A. Determinants of punitive attitudes of college students toward criminal offenders // *Journal of Criminal Justice Education*. 2013. Vol. 24, № 3. P. 339-356.
- [21] Costelloe M. T., Chiricos T., Gertz M. Punitive attitudes toward criminals: Exploring the relevance of crime salience and economic insecurity // *Punishment & Society*. 2009. Vol. 11, № 1. P. 25-49.
- [22] Applegate B. K., Cullen F. T., Fisher B. S. Public views toward crime and correctional policies: Is there a gender gap? // *Journal of Criminal Justice*. 2002. Vol. 30, № 2. P. 89-100.
- [23] Глухова А. А., Иудин А. А., Шпилев Д. А. Оценка гражданами состояния правопорядка и уровня безопасности в мегаполисе: результаты криминологического мониторинга // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2018. Т. 12, № 3. С. 569-593.
- [24] Carlsmith K. M., Darley J. M., Robinson P. H. Why do we punish? Deterrence and just deserts as motives for punishment // *Journal of personality and social psychology*. 2002. Vol. 83, № 2. P. 284.
- [25] Falco D. L., Martin J. S. Examining punitiveness: assessing views toward the punishment of offenders among criminology and non-criminology students // *Journal of Criminal Justice Education*. 2012. Vol. 23, № 2. P. 205-232.
- [26] Mamayek C., Loughran T., Paternoster R. Reason taking the reins from impulsivity: The promise of dual-systems thinking for criminology // *Journal of Contemporary Criminal Justice*. 2015. Vol. 31, № 4. С. 426-448.
- [27] Carsey T. M., Layman G. C. Changing sides or changing minds? Party identification and policy preferences in the American electorate // *American Journal of Political Science*. 2006. Vol. 50, № 2. С. 464-477.
- [28] Unnever J. D., Cochran J. K., Cullen F. T., Applegate B. K. The pragmatic American: Attributions of crime and the hydraulic relation hypothesis // *Justice Quarterly*. 2010. Vol. 27, № 3. P. 431-457.
- [29] King A., Maruna S. Is a conservative just a liberal who has been mugged? Exploring the origins of punitive views // *Punishment & Society*. 2009. Vol. 11, № 2. P. 147-169.

**Digital governance of security:
Young citizens' perceptions of new policing strategies in Russia**

A.L. Gurinskaya

St. Petersburg State University,
Herzen State Pedagogical University of Russia

Digitalization of governance is meant to produce certain changes in governance of crime and security aimed at enhancing citizens' well-being and sense of safety. Some of these transformations have already taken place: downsizing of state security (police) personnel, coproduction of security, and expansion of use of digital technologies for crime control. However, little is known how citizens perceive digitalization and governance changes that it brings along. Prior research suggests that attitudes towards crime and crime control are predicted along with other factors by gender, ideological beliefs, fear of crime and crime salience. This paper uses multivariate analysis to tests those ideas using data from the survey of young people residing in three cities of Russia (N=944).

Our results are mixed regarding the effect of ideological beliefs on citizens' concerns regarding police downsizing. We find that liberals and females tend to support coproduction of security. Stronger feelings of safety, victimization experience, and left political orientation appear to predict trust in security technologies.

Keywords: digital governance, security, crime control, citizens' attitudes, e-policing

Reference for citation: Gurinskaya A.L. Digital governance of security: Young citizens' perceptions of new policing strategies in Russia // *The State and Citizens in the Electronic Environment*. Vol. 3 (Proceedings of the XXII International Joint Scientific Conference «Internet and Modern Society», IMS-2019, St. Petersburg, June 19-22, 2019). - St. Petersburg: ITMO University, 2019. P. 116 – 131. DOI: 10.17586/2541-979X-2019-3-116-131

Reference

- [1] Programma «Tsifrovaja ekonomika Rossijskoj Federatsii», utverzhennaja Rasporjazheniem Pravitelstva Rossijskoj Federatsii ot 28 ijulja 2017 g. № 1632-p. [Program «Digital Economy of the Russian Federation» approved by the Decree of the Government of Russia on July 28, 2017 № 1632-p] URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (access date 25.04.2019). (In Russian)
- [2] Gurinskaya A.L. Anglo-amerikanskaya model preduprezhdenija prestupnosti: kriticheskij analiz [Anglo-american model of crime prevention: critical analysis]. St. Petersburg: Izd-vo RGPU im Herzena, 2018. 400 p. (In Russian)
- [3] Heen M. S. J., Lieberman J. D., Miethe T. D. The thin blue line meets the big blue sky: Perceptions of police legitimacy and public attitudes towards aerial drones // *Criminal Justice Studies*. 2018. Vol. 31, №. 1. P. 18-37.
- [4] Kolichestvo politsejskih v Rossii s kazhdim godom sokraschaetsja. Ili rastet? [The number of policemen is going down every year. Or is it growing?] // *Novie Izvestija*. October 5, 2018. URL: <https://newizv.ru/news/society/05-10-2018/kolichestvo-politsejskih-v-rossii-s-kazhdym-godom-sokraschaetsya-ili-rastet> (access date: 25.04.2019). (in Russian)
- [5] Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federatsii ot 31.12.2017 № 652 «O vnesenii izmenenij v Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federatsii ot 5 maja 2014 r. № 300 «O nekotorykh voprosakh Ministerstva vnutrennikh del Rossijskoj Federatsii» [Decree of the President of Russia from December 31, 2017 № 652 «On some changes to the Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federatsii from May 5, 2014 № 300 «On some issues concerning the Ministry of Interior of the Russian Federation»] // SPS «Konsultant Plus». (in Russian)
- [6] Nalla M. K., Gurinskaya A. Common past-different paths: Exploring state regulation of private security industry in Eastern Europe and post-Soviet republics // *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*. 2017. T. 41, №. 4. C. 305-321.
- [7] Aronov N. Chastichno vooruzhennaja armija [Partially armed army]. // *Kommersant. Zhurnal «Ogonjok»*. №11. 26.03.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3566802> (access date: 25.04.2019). (in Russian)
- [8] Informatsija o realizatsii v 2018 godu funktsij Rosgvardii po osushestvleniju federalnogo gosudarstvennogo kontrolja (nadzora) v ustanovlennikh sferah dejatelnosti [Information on how the Rossguard function was fulfilled in 2018 as it relates to federal state control (supervision) in stated areas] // Rosgvardija. Statistika i analitika. URL: <http://rosgvard.ru/ru/page/index/statistika-i-analitika> (access date: 25.04.2019). (in Russian)
- [9] Zanjatoe naselenie po polu i gruppam zanjatij na osnovnoj rabote [Employed population by gender and areas of employment at main employment position]. // *Federalnaja sluzhba*

- gosudarstvennoj statistiki. Trudovie resursi. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/tab_trud11-okz.htm (access date: 25.04.2019). (in Russian)
- [10] Farrell G., Tilley N., Tseloni A., Mailley J. Explaining and sustaining the crime drop: Clarifying the role of opportunity-related theories // *Crime Prevention and Community Safety*. – 2010. Vol. 12, № 1. P. 24-41.
- [11] Pratt J. Risk control, rights and legitimacy in the limited liability state // *British journal of criminology*. 2016. Vol. 57, № 6. P. 1322-1339.
- [12] Garland D. *The culture of control*. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – 367 p.
- [13] Sotrudnichestvo v publichnoj politike i upravlenii [Cooperation in public policy and governance]/ Ed. by L.V. Smorgunov. St. Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2018. 274 p. (in Russian)
- [14] Rabota politsii: otsenki rossijan. [Police work: Russians' attitudes] // *WCIOM*. № 3810. 09.11.2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9418> (access date: 25.04.2019). (in Russian)
- [15] Rabota politsii i doverie [Police operations and trust] // *Ministerstvo vnutrennikh del Rossijskoj Federatsii. Obshestvennoe mnenie*. December 2018. URL: <https://мвд.рф/publicopinion> (access date: 25.04.2019). (in Russian)
- [16] Bynum T.S., Greene J.R., Cullen F.T. Correlates of legislative crime control ideology // *Criminal Justice Policy Review*. 1986. Vol. 1, № 3. C. 253-267.;
- [17] McGarrell E. F., Flanagan T. J. Measuring and explaining legislator crime control ideology // *Journal of Research in Crime and Delinquency*. 1987. Vol. 24, № 2. P. 102-118.
- [18] Unnever J. D., Cullen F. T., Fisher B. S. “A liberal is someone who has not been mugged”: Criminal victimization and political beliefs // *Justice Quarterly*. 2007. Vol. 24, № 2. P. 309-334.
- [19] Silver J. R., Silver E. Why are conservatives more punitive than liberals? A moral foundations approach // *Law and Human Behavior*. 2017. Vol. 41, № 3. P. 258.
- [20] Tajalli H., De Soto W., Dozier A. Determinants of punitive attitudes of college students toward criminal offenders // *Journal of Criminal Justice Education*. 2013. Vol. 24, № 3. P. 339-356.
- [21] Costelloe M. T., Chiricos T., Gertz M. Punitive attitudes toward criminals: Exploring the relevance of crime salience and economic insecurity // *Punishment & Society*. 2009. Vol. 11, № 1. P. 25-49.
- [22] Applegate B. K., Cullen F. T., Fisher B. S. Public views toward crime and correctional policies: Is there a gender gap? // *Journal of Criminal Justice*. 2002. Vol. 30, № 2. P. 89-100.
- [23] Glukhova A.A., Iudin A.A., Shpilev D.A. Otsenka grazhdanami sostojanija pravoporjadka i urovnja bezopasnosti v megapolise: rezultati kriminologicheskogo monitoringa. [Citizens' assessment of the state of legal order and public security in a big city: results of criminological monitoring] // *Aktualnie problemi ekonomiki i prava*. 2018. Vol. 12. № 3. P. 569-593. (in Russian)
- [24] Carlsmith K. M., Darley J. M., Robinson P. H. Why do we punish? Deterrence and just deserts as motives for punishment // *Journal of personality and social psychology*. 2002. Vol. 83, № 2. P. 284.
- [25] Falco D. L., Martin J. S. Examining punitiveness: assessing views toward the punishment of offenders among criminology and non-criminology students // *Journal of Criminal Justice Education*. 2012. Vol. 23, № 2. P. 205-232.
- [26] Mamayek C., Loughran T., Paternoster R. Reason taking the reins from impulsivity: The promise of dual-systems thinking for criminology // *Journal of Contemporary Criminal Justice*. 2015. Vol. 31, № 4. C. 426-448.

- [27] Carsey T. M., Layman G. C. Changing sides or changing minds? Party identification and policy preferences in the American electorate // *American Journal of Political Science*. 2006. Vol. 50, № 2. С. 464-477.
- [28] Unnever J. D., Cochran J. K., Cullen F. T., Applegate B. K. The pragmatic American: Attributions of crime and the hydraulic relation hypothesis // *Justice Quarterly*. 2010. Vol. 27, № 3. P. 431-457.
- [29] King A., Maruna S. Is a conservative just a liberal who has been mugged? Exploring the origins of punitive views // *Punishment & Society*. 2009. Vol. 11, № 2. P. 147-169.